

Посмотрев на свою опустевшую миску, из которой исчезло яйцо, Е Мянь придвинул стоявшую посреди стола тарелку к Чэн Ляну:

— Забирай всё.

— М-м? — Чэн Лян лениво пошевелил палочками лапшу. Она не то чтобы таяла во рту, но была вполне съедобной. Сделав ещё несколько глотков, он окончательно привык к этому простому вкусу.

Е Мянь подцепил палочками несколько макаронин:

— Кроме болгарского перца и свинины тут ничего нет. А поскольку ты свинину не ешь, забирай яйца.

На тарелке лежала пара яичниц-глазуний с аппетитно поджаристыми, слегка подгоревшими краями.

Впрочем, Чэн Лян, не спавший всю ночь и плотно набивший желудок ещё на рассвете, особого голода не испытывал. Едва одолев полмиски, он отложил палочки, но обе глазуньи съел дочиста.

— Откуда ты знаешь, что я не ем свинину? — удивлённо прищурился он. Немного подумав, парень усмехнулся: — А, с того раза, когда ты меня вытащил? Надо же, не думал, что ты запомнил.

— Из всех моих знакомых ты самый привередливый. Такую занозу в заднице захочешь — не забудешь, — хмыкнул Е Мянь.

Он тоже забросил лапшу и без зазрения совести переключился на завтрак, принесённый Сун Сяошу: прозрачные креветочные цзяоцзы, горячие сяолунбао и пиалу ароматной рисовой каши.

Покончив с едой, Чэн Лян поднялся из-за стола, принёс огромную плетёную корзину и водрузил её прямо перед именинником:

— Это тебе. С днём рождения.

Е Мянь до этого момента даже не обращал внимания, что в гостиной появилось что-то чужеродное. Разглядывая громоздкую конструкцию посреди стола, он опешил:

— Подарок? Это?

— Ну да. Я подумал, что ты вечно питаешься как придётся: то голодаешь, то ленишься и заказываешь фастфуд, а если и готовишь сам, то на скорую руку. Да и в холодильнике у тебя шаром покати, никакого витамина. Вот я и взял целую корзину фруктов, тут куча разных сортов. И в тех пакетах ещё кое-что. В общей сложности килограммов под двадцать вышло.

Е Мянь потерял дар речи. Ну кто дарит на день рождения фрукты? Деньги в конверте, сладости, да любую другую безделушку он бы понял, но фрукты...

— Ты головой часом не ударился? Я вообще-то не при смерти, — выдавил он.

В его представлении подобные корзины таскали исключительно в больничные палаты для тяжелобольных. Ну или покупали сами, когда очень хотелось. Но чтобы дарить яблоки и груши на именины — с таким абсурдом он сталкивался впервые.

Чэн Лян, проигнорировав его скепсис, подхватил корзину с пакетами и направился на кухню:

— Пойду разделаю арбуз с дыней, а остальное помою и закину в холодильник.

Как только он скрылся за дверью кухоньки, притихший было Сун Сяошу подскочил на стуле, едва не перевернув его:

— Офигеть! Офигеть можно, брат Мянь! Вы с этим Далао когда успели так закорешиться?

— Мы не близки, — коротко отрезал Е Мянь.

«Или мне всё-таки померещилось?» — лихорадочно соображал Сяо Шу. Чэн Лян среди бела дня стащил яйцо прямо из тарелки Мяня, а тот даже бровью не повёл, хотя обычно за такое посягательство мог и челюсть свернуть. Мало того — он сам отдал ему оставшиеся яйца! И этот грозный парень примчался ни свет ни заря с подарком, а теперь шуршит у раковины, отмывая фрукты.

Помучившись сомнениями, Сун Сяошу выдал свою версию:

— Слушай, брат Мянь, мне кажется, Чэн Лян пытается втереться к тебе в доверие. Подлизывается, короче.

Е Мянь, не донеся до рта половинку цзяоцзы, отложил палочки:

— С чего такие выводы?

Чэн Лян подлизывается? Да скорее кровавый дождь пойдёт.

— Ну смотри: ты говорил, что он переводится в твою школу. А ты у нас местный авторитет, гроза коридоров. Раньше у вас были тёрки, вот он и решил замять старые обиды. Пришёл поклониться в ноги, чтобы ты на новом месте не натравил на него банду. Он же тут никого не знает, а против толпы даже самый крутой боец не выстоит. Один в поле не воин, сам понимаешь.

Сяо Шу вещал с видом умудрённого опытом стратега. Но вдруг замолчал, нахмурился и замотал головой:

— Нет, постой. Ерунда какая-то.

— Что опять не так? — вздохнул Е Мянъ.

Сяо Шу отложил приборы и авторитетно заявил:

— Слово «подлизывается» тут не подходит. С его характером он ни под кого прогибаться не станет. Скорее, этот парень предлагает тебе пакт о ненападении. Хочет подружиться, чтобы потом вы вдвоём держали в страхе всю школу.

— Ты дешёвого кино пересмотрел? — закатил глаза Е Мянъ. — Какое «держат в страхе»? Я в школе прилежно учусь, с учителями не препираюсь, девчонок не задираю и данью никого не облагаю.

Он искренне не понимал, какими красками рисует его воображение друга и в какого бандита с большой дороги тот его превратил.

— Да брось! Вид-то у вас обоих криминальный. Особенно у тебя, брат Мянъ. Ты вечно ходишь с такой миной, словно готов похоронить любого, кто косо посмотрит. К тебе подойти боятся! Кажется, стоит тебе хоть каплю досадить — и сразу прилетит в челюсть.

— Но Чэн Лян — это вообще отдельная песня, — понизив голос, заговорщицки продолжил Сяо Шу. — Он вроде и не хмурится, даже улыбается иногда, но от этой его лыбы мороз по коже. Ждёшь, что он сейчас тепло так посмотрит на тебя, а в следующую секунду с той же вежливой улыбочкой проломит тебе череп кирпичом. Если подумать, он куда опаснее тебя. Ты парень прямой, а от него хрен знает чего ждать.

Е Мянъ поднялся и принялся собирать посуду:

— Выключи свой внутренний генератор бреда. Каких детективных триллеров ты на ночь начитался, что во всём видишь заговоры?

Выбросив остатки еды в ведро, он зашёл на кухню, чтобы составить посуду в раковину и заодно проверить, как там справляется гость.

— О, как раз вовремя, — обернулся Чэн Лян. — Засунь эти тарелки в холодильник, пусть охлаждаются. Мне тут ещё немного помыть осталось.

Забирая нарезку, Е Мянь недоумённо спросил:

— Тебя вообще каким ветром принесло спозаранку?

Руки Чэн Ляна, споласкивающие виноград, даже не дрогнули:

— Я же предупреждал вчера: проснись пораньше, мол, курьер приедет.

— И где он?

— Перед тобой, — усмехнулся парень. — Я и есть курьер, а фрукты — посылка. Специально выехал на самом первом автобусе, чтобы успеть. Кто же знал, что этот твой Сун Шу окажется шустрее. Ну и шустрик.

Рассортировав вымытые плоды по пакетам, Чэн Лян принялся укладывать их на полки холодильника. Чтобы освободить место, он бесцеремонно вытащил жестяные банки с колой, которые охлаждал хозяин дома.

Заметив это самоуправство, Е Мянь нахмурился:

— Эй, ты чего творишь?

— Места нет, — невозмутимо отозвался Чэн Лян.

— И ради этого надо было выгрести мою колу?

Сначала Чэн Лян убрал лишь пару банок, но, услышав возмущение друга, решительно выгреб из холодильника весь запас газировки.

— Гадость эта ваша шипучка, только желудок гробить. И вообще, ты разве не в курсе, что кола...

— Что — кола? — прищурился Е Мянь.

— Убивает живчиков, — авторитетно просветил его Чэн Лян.

Е Мянь потерял дар речи. О таком коварстве любимого напитка он точно слышал впервые.

Сун Сяошу заскочил к имениннику без какого-то чёткого плана — просто поздравить и составить компанию. Но сидеть в душных четырёх стенках троим парням было невыносимо скучно. Кино смотреть, что ли? Тоска зелёная.

— Может, в компьютерный клуб рванём? — оживился Сяо Шу. — Брат Мян, у тебя же реакция бешеная, потащишь меня «поесть курочки», а то мы сто лет вместе не рублились. Далао, ты с нами?

Чэн Лян лишь молча перевёл взгляд на Е Мян, ожидая его решения.

У Е Мян нервно дёрнулось веко.

— Какая, к чёрту, игра? У меня сегодня дел по горло, некогда развлекаться.

Сяо Шу мгновенно сдулся, как проколотый мяч.

— Ну блин, брат Мян, у тебя же день рождения! Каникулы на дворе, никаких уроков и репетиторов. Чем ты там занят?

— Надо опрыскать ядохимикатами сад, а потом найти рабочих, чтобы перебрали черепицу на крыше.

Сяо Шу захлопал глазами:

— Чего?

— Много будешь знать — скоро состаришься. Не забивай голову.

Сам Е Мян, конечно, не умел ни разводить отраву, ни толком обращаться с распылителем. Соседские дядька с тёткой вызвались ему помочь и даже провели краткий инструктаж. Сейчас нужно было зайти к ним и забрать снаряжение.

Отыскав дома плотные перчатки, защитные маски, старую кепку и резиновые сапоги, он повернулся к гостям:

— Идите развлекайтесь без меня, я ушёл.

Надо было управиться, пока солнце не встало в зенит. Если затянуть до полудня, невыносимая жара в сочетании с удушливыми испарениями просто свалит его с ног.

— Я с тобой, — коротко бросил Чэн Лян. Он уверенно перехватил у Е Мяня часть собранного инвентаря, хотя резиновых сапог для него не нашлось.

Е Мянь окинул его скептическим взглядом:

— Как хочешь. Только учти: возиться в грязи — сомнительное удовольствие.

— Чур, я тоже еду! — тут же вскинул руку Сяо Шу. — Негоже имениннику в одиночку горбатиться.

Для Сяо Шу это был далеко не первый поход в сад.

— Вместе мы в два счёта управимся! — бодро затараторил он. — Слушай, брат Мянь, ты как раз можешь затестить мой подарок. Покатишь на новеньком скейте, а я поеду следом на твоём грузовом трёхколёснике.

Оглядевшись по сторонам, он так и не обнаружил, куда хозяин запрятал доску.

— Ну же, я его на заказ делал, душу вложил! Хоть кружочек прокатись. Если не зайдёт — забросишь в угол, делов-то.

Вспомнив дурацкую надпись на доске и уродливое изображение торта, Е Мянь глубоко вздохнул и отрезал:

— Размечтался. На трёхколёснике поеду я. А ты бегом за мной.

Была и ещё одна веская причина, по которой он наотрез отказывался доставать подарок: светить этим шедевром перед Чэн Ляном ему хотелось меньше всего на свете. Если уж тестировать доску, то точно без лишних свидетелей. Этот криво нарисованный торт неизбежно вызывал у него ассоциации с художествами Чэн Ляна — тот умудрился пририсовать праздничный пирог прямо на чью-то гладкую, как колено, лысину. Редкостное убожество.

Чэн Лян сощурился, молча переводя взгляд с одного на другого. Его пальцы в карманах брюк медленно перебирали ткань. Накатила глухая, беспричинная досада. Возможно, сказывалось дикое утомление — бессонная ночь и выпитый накануне алкоголь давали о себе знать, превращая мысли в тяжёлую кашу.

Шагнув вперёд, он бесцеремонно вклинился между парнями и слегка отодвинул Е Мяня назад. Когда тот уже вскинул руку, готовый его оттолкнуть, Чэн Лян ловко перехватил его запястье.

— Ну чего ты заводишься, брат Мянь? — мягко улыбнулся он. — Расслабься.

И он панибратски закинул руку ему на плечо.

В саду на ветвях копошилась всякая мелкая нечисть — в разгар лета мошкара, жуки и пауки плодились с ужасающей скоростью. Превозмогая брезгливость и зуд по всему телу, Е Мянью методично опрыскивал листву. А вот Сяо Шу не затыкался ни на минуту, истошно вопя при виде каждой букашки:

— Мама дорогая, тут гусеница!

Он тут же зверски расправлялся с вредителями, но его непрекращающийся ор знатно действовал Е Мянью на нервы.

За плечами у Е Мянью висел тяжёлый синий резервуар с химикатами. Его добровольные помощники, хоть и остались в обычных кроссовках, в остальном экипировались на совесть. Солнце поднималось всё выше, нещадно раскаляя воздух. Устраивать перекуры никто не собирался — хотелось покончить с этим адом как можно быстрее.

Е Мянью подошёл к ребятам:

— Эту половину оставляю на вас, а сам пойду займусь дальним участком.

Уходя, он не удержался и бросил взгляд на Чэн Ляна. Тот работал на удивление добросовестно. Если не считать пары коротких вопросов в самом начале, парень не произнёс ни слова. Он трудился молча, сосредоточенно обрабатывая ветку за веткой. Плотная маска скрывала почти всё лицо, а глубоко надвинутая кепка оставляла видимыми лишь глаза.

Под тенью козырька его тёмные зрачки казались почти чёрными, а во взгляде сквозила тяжёлая, мрачная глубина. Сяо Шу не ошибся: этот тип действительно выглядел устрашающе. В их первые встречи Е Мянью инстинктивно держался от него подальше именно из-за этих глаз и едва уловимого шлейфа опасности, который тянулся за Чэн Ляном.

Он разительно отличался от сверстников — в его повадках чувствовался опыт человека, повидавшего слишком много дерьма. Чэн Лян виртуозно прятал свой истинный характер и слабости. Он читал окружающих как раскрытую книгу, оставаясь при этом абсолютно непроницаемым для чужих глаз. К его душе невозможно было подобраться даже на шаг.

И тем более Е Мянью не понимал его теперешнего поведения. Зачем звонить среди ночи и нести какую-то чушь? Загадывать желание на падающую звезду — он что, детсадовец? Потом примчался на рассвете с этой нелепой корзиной. Чем возиться со всеми этими подарками, лучше бы просто перевёл денег на карту, мороки меньше. Да и помощь в саду стала полной неожиданностью. Сначала Е Мянью решил, что избалованному мажору просто захотелось

экзотики, но тот пахал без сна и отдыха, не отлынивая ни на секунду.

Внезапно Чэн Лян вскинул голову, и их взгляды встретились. Под маской угадывалась лукавая усмешка. Он стянул ткань к подбородку и одними губами произнёс:

"Любуешься?"

Е Мянь молча продемонстрировал ему средний палец и беззвучно ответил:

"Придурок".

Развернувшись, он ушёл на свой участок, чтобы тщательно обработать оставшиеся деревья. Работа продвигалась туго: как только опустел первый бак, Е Мяню следовало бы развести новую порцию отравы, но сил на это уже не осталось. Изнуряющий зной высасывал всю энергию, заставляя мышцы наливаться свинцом.

Он стащил с плеч лямки и бросил распылитель на траву. Мелкая водяная пыль, зависшая в воздухе, преломляла солнечные лучи, рождая крошечную призрачную радугу. Сквозь это разноцветное марево проглядывали изъеденные вредителями листья — тускло-зелёные, с уродливыми жёлтыми проплешинами посередине, похожими на ожоги от кислотного дождя.

Пожухлая листва бессильно осыпалась от малейшего дуновения ветра. Сухие, пропитанные ядом хлопья кружились в воздухе, оседая на плечах и головах работающих парней.

Едкий, химический смрад стоял стеной. Дышать приходилось через раз, задерживая воздух в лёгких на добрый десяток секунд. В горле противно запершило. Е Мянь нахмурился, чувствуя, как внутри нарастает дурнота: грудную клетку сдавило, дышать становилось всё труднее. Похоже, у него начиналась аллергическая реакция на эту отраву. На кой чёрт он вообще торчал здесь так долго?

Впрочем, виной могло быть и банальное тепловое удушье. К счастью, Чэн Лян и Сяо Шу как раз закончили со своей частью работы. Парни без лишних слов побросали инвентарь и поспешили убраться из зоны химического поражения.

Как только они перешагнули границу сада, Сяо Шу сорвал маску и жадно заглотил чистый воздух:

— Твою мать, ну и шмон! Эта дрянь воняет похлеще выхлопных газов старого трактора!

— Есть такое, — согласился Е Мянь, избавляясь от защитной повязки. Чэн Лян последовал его примеру.

Кивком указав в сторону протекавшей неподалёку речушки, Е Мянъ скомандовал:

— Пошли смоем эту грязь.

От них разило химией за версту. Лицо Мянъ полыхало багровым румянцем — несмотря на маску, кожа зудела и горела, словно после ожога. Он сорвал кепку: волосы под ней промокли насквозь. Парень мотнул головой, стряхивая на траву крупные капли пота.

Вода в реке манила прохладой и хрустальной чистотой. Сяо Шу на бегу стянул футболку и с разбегу плюхнулся в поток. Вынырнув, он блаженно зажмурился и выдохнул:

— Кайф!

Глубины тут было от силы по бедро.

Е Мянъ стянул тяжёлые сапоги, сбросил перчатки и не торопясь вошёл в воду. Чтобы не плескаться в поднятой другом мути, он отошёл чуть выше по течению.

Ледяная вода мгновенно сняла жар. Наклонившись, он зачерпнул полные ладони и принялся жадно умываться, остужая горящие щёки. Брюки он закатал до самых бёдер, подставив ноги ласковому течению, и теперь старательно оттирал предплечья от липкого налёта.

Чэн Лян остался сидеть на берегу. Устроившись на траве, он принялся лениво наблюдать за Е Мянём. Тот стоял спиной к нему. Из-за того что Мянъ низко наклонялся к воде, подол его просторной футболки задрался, обнажая полоску кожи на поясице — на удивление светлую и гладкую. Из-за худобы позвонки проступали чётким рельефом, очерчивая красивую линию спины. Е Мянъ вообще был поджарым, без единой капли лишнего жира.

Чэн Лян опустил взгляд на свои ладони, затем прикрыл глаза и откинулся назад, уперевшись руками в мягкую траву. Он судорожно сглотнул. Когда парень снова разомкнул веки, взгляд его потемнел, наливаясь странной, тяжёлой глубиной. Он заставил себя отвернуться, но уже через пару секунд неосознанно скользнул взглядом обратно. И тут же замер: он прищурился, а дыхание перехватило.

Чэн Лян прижал ладонь к лицу, прикрывая глаза, и сквозь зубы глухо выругался:

— Твою мать...

Е Мянъ развернулся к нему лицом. Он высоко задрал край мокрой футболки, вытирая влажной рукой грудь и живот. Мышцы пресса чётко обозначились под кожей, а из-за того, что парень

стоял слегка согнувшись, рельефные линии казались ещё резче и глубже.

Чэн Лян нащупал в траве плоский камешек и резко запустил его по воде. Речушка была узкой — галька подпрыгнула всего трижды и с тихим плеском ушла на дно прямо у ног Е Мянэ. Тот даже не вздрогнул. Лишь медленно повернул голову, уставившись на Чэн Ляна своим фирменным, не сулящим ничего хорошего взглядом.

Вместо объяснений Чэн Лян подобрал второй снаряд и снова пустил блинчик.

Это дурацкое развлечение окончательно вывело Е Мянэ из себя. Смерив шутника уничтожающим взглядом, он нагнулся, выловил со дна увесистый булыжник и прицельно запустил его обратно. Камень с глухим стуком приземлился в паре сантиметров от кроссовка Чэн Ляна.

— Ещё раз бросишь — я выйду и набью тебе морду. Или прямо так, в кроссовках, в реку утащу, — ледяным тоном пообещал Е Мянэ.

Он интуитивно догадывался, почему Чэн Лян держится подальше от воды. Наверняка у этого парня были свои, весьма неприятные детские воспоминания, связанные с глубиной.

Тем временем Сяо Шу, которому наскучило плескаться в одиночестве на мелководье, притопал к ним.

— Брат Мянэ, а брат Мянэ! Давай в брызгалки сыграем?

Е Мянэ выразительно промолчал. Решив, что друг не расслышал, Сяо Шу услужливо пояснил:

— Ну, типа я тебя оболью, а ты меня в ответ. Весело же!

— Иди к чёрту, Сяо Шу. Совсем мозги растерял? Только попробуй брызнуть — придушу, — пригрозил Е Мянэ. Сяо Шу мгновенно замер и втянул голову в плечи.

«И откуда берутся эти придурки?» — простонал про себя Е Мянэ. Он кивнул в сторону развалившегося на берегу Чэн Ляна и добавил:

— Вон в него целься. Обливай так, чтоб сухой нитки не осталось.

Оставив приятеля переваривать напутствие, Е Мянэ побрёл обратно вниз по течению. Раз уж этот шумный балаган переместился сюда, ему здесь делать было нечего. Хотелось просто смыть с себя остатки пота и химии в тишине.

Но на полпути его тело внезапно пронзила острая, режущая боль. Нога рефлекторно подкосилась, он попытался удержать равновесие на одной конечности, но скользкие камни не оставили шанса. С громким всплеском Е Мянью рухнул прямо в воду, едва успев выставить руки. Одежда мгновенно намочила, а пострадавшую ногу обожгло новой вспышкой боли.

Стиснув зубы до скрежета, он с трудом заковылял к берегу. С каждым шагом казалось, что неведомый острый предмет глубже и глубже вонзается в плоть, разрывая кожу.

Чэн Лян, не спускавший с него глаз, мгновенно почуял неладное. Он подскочил с места и в несколько широких шагов оказался у кромки воды.

— Что стряслось? — встревоженно спросил он, глядя сверху вниз на скрючившегося парня.

Кое-как выбравшись на траву, Е Мянью бессильно растянулся на склоне.

— Похоже, на стекло наступил, — прохрипел он, пытаясь рассмотреть окровавленную подошву.

Он уже протянул руку, намереваясь самостоятельно выковырять засевший осколок, но его пальцы тут же перехватили. Чэн Лян навис над ним с на удивление суровым лицом:

— Не смей трогать.

Осторожно повернув его стопу, чтобы оценить масштаб бедствия, Чэн Лян недовольно цыкнул:

— Ну как так можно было... Под ноги вообще не смотришь!

Впрочем, читать нотации сейчас было глупо. Он развернулся спиной и присел перед Е Мянью:

— Давай на закорки. Донесу.

<http://bllate.org/book/18333/1863644>